
ИСТОРИЯ И СВЯЗЬ ВРЕМЕН

Б. М. КОНДОРСКИЙ

ЭЛЕМЕНТЫ ТЕОРИИ ИЗГОЙСТВА (НА ПРИМЕРЕ ПЕРИОДА ДРЕВНОСТИ)

Изгойство как определенный социальный институт слабо изучено в научной литературе. Сделана попытка рассмотреть роль и характер изгойства в период древности с использованием революционной концепции исторического развития, ойкумены как системного феномена, института мужского союза. Существующая структура социумов ранней древности во многом была связана с организацией лиц, оказавшихся в силу разных причин за пределами традиционной общины – сначала в рамках храмового хозяйства, а затем царского. Появившиеся в городах в поздний период ранней древности гражданские общины получили свое развитие уже в античный период после архаических революций. В Греции большую роль играл институт мужского союза, особенно в гомеровский период. Тираны как изгои из аристократической среды сыграли определяющую роль в прогрессивном развитии полисов в архаический период. В раннем Риме эта роль принадлежала представителям плебейской общины, сформировавшейся из лиц самого различного происхождения, в отличие от патрициев, имевших консервативное сознание. Рим был основан изгоями.

Ключевые слова: *изгои, традиционная община, ойкумена, мужской союз, Месопотамия, Финикия, Древняя Греция, Древний Рим.*

Введение

Проблема изгойства встречается во многих научных публикациях, касающихся основных периодов истории, на примере различных регионов. Хрестоматийными изгоями были Ромул, Чингисхан (Темучин), Христос, Мухаммед. Наконец, Цезарь получил этот статус, перейдя Рубикон. Революционеров также можно рассматривать как людей, порвавших со своими сословиями, корпорациями и превратившихся в тех, кого В. И. Ленин в свое время назвал разночинцами. Это относится и к большевикам, и к деяте-

лям Французской революции (и не только). Получается, что историю творили те, кого можно назвать изгоями в широком смысле этого слова.

Изгой (часто добровольный) – это человек (индивид), имеющий социальное сознание, которое принципиально отличается от традиционного. Человек, который не может ужиться в традиционной общине, традиционной среде, представляющий определенную опасность для ее существования. Пассионарий, по терминологии Л. Гумилева.

В данном случае речь идет о создании теории этого важнейшего явления. Осмыслении роли изгойства в мировой истории как особого социального института, имеющего свои внутренние законы. Попытке рассмотреть его как системный феномен и определить базовые элементы на примере периода древности.

Для этого полезным будет использование сравнительно-исторического метода в широком смысле этого слова. Основными задачами сравнительно-исторических исследований являются поиск и выделение под внешне различными социальными структурами в пределах отдельных регионов того, что их объединяет на определенном этапе исторического развития.

Революционная концепция исторического развития

Переход от одного этапа исторического развития к другому всегда происходил революционным путем. В процессе исторического развития можно выделить следующие революции (точнее, эпохи революций) и соответствующие им этапы – неолитические, архаические, феодальные, революции Нового времени. Именно архаические революции, которые имели место не только в Греции и Италии, но и на Ближнем Востоке, в Северной Индии, Китае, разделили древность на раннюю и позднюю (Кондорский 2013).

Революции сопровождаются качественными изменениями во всех сферах, в первую очередь в «голове». Один тип социального сознания сменяется другим. На смену старому архетипу социальной организации приходит принципиально новый. Архетип данного исторического этапа в первую очередь есть архетип сознания.

Революции формируют потенциал последующего развития. Основной целью всех революций является устранение носителей «старого сознания». Соответственно, чем больше уровень преемственности с предыдущим периодом, тем более низкий потенциал последующего развития мы имеем.

Формирование нового архетипа в процессе революций следует рассматривать как систему потенциалов, которые могут получить развитие, а могут и не получить – в зависимости от конкретных исторических условий. Внешние проявления этих потенциалов архетипа в различных регионах могут существенно различаться.

Для каждого этапа исторического развития характерен определенный тип социального (точнее, социально-исторического) пространства. В период ранней древности все составляющие данного пространства находились в синкретическом единстве при полном доминировании хозяйственного начала (не путать с собственно экономическим).

Государство воспринималось как дом в Египте (Перепелкин 2000: 94–95). В Месопотамии под домом понималось хозяйство в широком смысле этого слова (Козырева 1989: 42). То есть здесь мы имеем государство, воспринимаемое как большое хозяйство, имеющее тот же архетип, что и обычное хозяйство. Восшествие Хаммурапи на престол обозначено выражением «он вошел в дом отца своего» (Оппенгейм 1990: 124).

После архаических революций «дом» свертывается в Греции до уровня ойкоса, а в Риме – до уровня фамилии. На поздних этапах развития происходит выделение политического, но этот процесс носил отчужденный характер. Достоинства политика в Риме оценивались на основе этических и моральных критериев (Утченко 1977: 65). Полное отделение военно-политического имело место уже после феодальной революции в Западной Европе.

Системный характер ойкумены

Социально-историческое пространство как чисто социальный феномен существует в конкретных природно-географических условиях и образует с ними определенную систему – ойкумену, нечто аналогичное ландшафтной системе. Формирование ойкумены происходит путем освоения, «очеловечивания» географического пространства. Имеет место своеобразная domestикация мира (Васильев 1998: 89). Основными элементами ойкумены как системы являются потоки информации в форме миграций (типа «просачивания»), торговли (как правило, престижными вещами), войн (по законам, которые принципиально отличаются от современных). Ойкумену здесь следует рассматривать как пространство обмена и диффузии информации (Кондорский 2017: 20).

В неолитический период существовала Евроазиатская ойкумена (включавшая Северную Африку), в рамках которой шло последовательное распространение из центра (Передней Азии) основных технологических изобретений того времени путем своеобразного «растекания» (Дьяконов 1982: 17) вплоть до Северного Китая. Расписная посуда периода Яншао, а впоследствии технология бронзового литья и колесницы Шан-Инь имеют ближневосточные корни (Васильев 1995: 123, 135).

Процесс формирования ойкумены носил сукцессивный, стадийный характер. Так же как и в случае растительных сообществ, сначала появлялась пионерная ойкумена, которая начинала осваивать определенный тип региона, создавая условия для последующих стадий. Все это заканчивалось появлением так называемой климаксной системы со сложной структурой. Типичным примером в этом отношении является формирование Средиземноморской ойкумены, начиная с финикийцев и заканчивая римлянами.

Субъектами ойкумены были отдельные индивиды, потерявшие связь с традиционными общинами. Эти «изгойи» как носители информации должны были все время находиться в движении. Любое стационарное существование порождает общину и соответствующий тип сознания.

Распространение нововведений в рамках Евроазиатской ойкумены шло за счет групп индивидуумов, свободных от традиционного общинного сознания. В основе цивилизаций поздней древности – греческой, римской, израильской, иранской, североиндийской (арийской) и чжоуской в Китае лежат миграции небольших пастушеских объединений. Например, арийские предки мидян и персов были пастушескими племенами, которые в течение поколений продвигались через Западный Прикаспий на территорию Ирана (Мочалов 2015: 109).

Традиционная община

Общину следует рассматривать как элементарную ячейку социального. Анализ показывает, что в рамках исторического пространства традиционная община представляет собой своеобразный «черный ящик». Если на уровне социального пространства ойкумены мы имеем круговорот вещества, энергии, информации, то на уровне общины – только обмен веществ, энергии, информации. Общину можно уподобить биологической клетке. В многоклеточном организме, имеющем свои органы, выполняющие определенные функ-

ции, клетки играют роль строительного материала. То же самое касается государства, которое можно уподобить многоклеточному организму. Так же, как в биологической эволюции был период формирования биологической клетки, так и в социальной сфере был период формирования классической традиционной общины.

Традиционную общину можно определить как социальное образование (сообщество), которое находится вне исторического пространства. Субъектами (актерами) исторического пространства являются отдельные индивиды или их объединения, свободные от традиционного сознания. Актер, от лат. *actor* – действующий человек, творец истории.

В. Даль определял понятие «цивилизация» как гражданственность, сознание своих прав и обязанностей человеком как гражданином (Даль 2000: 707). Только попадая в историческое пространство, человек обретает свои права и обязанности и становится гражданином. В традиционной общине, в отличие, например, от античной, нет гражданства.

Община изначально эгалитарна. Есть вождь племени, но нет вождя общины. Совет старейшин является ее органической частью. Так же, как и клетка в рамках эволюции биологических организмов неизменна в своей основе, традиционная община полностью консервативна. Внутри общины невозможны какие-либо прогрессивные изменения. В определенных условиях общины могут сохраняться неизменными в течение столетий, а то и тысячелетий.

Фундаментальным законом общины является обеспечение ее членов всем необходимым для нормальной жизнедеятельности, но не более того. Обычно члены общины возделывали столько земли, сколько требовалось для надежного обеспечения каждой семьи на год (Гуляев 1979: 223). В общине производится только жизнеобеспечивающий продукт, необходимый для нормального физиологического существования (Семенов 1976: 107). Избыточный продукт следует рассматривать уже на уровне ойкумены.

Традиционное сообщество отрицает индивидуальность. Личность не выделена из коллектива своих родственников. Его члены должны вести себя «как все». Здесь отсутствует историческое сознание (Антонова 1984: 10). По существу традиционная община представляет собой органическое целое. Для общины характерны замкнутость и слабая мобильность, что резко отличает члена общины от горожанина. Общине свойственная ориентация на традицию, на воспроизводство опыта предков (Вейнберг 1986: 36).

Институт мужского союза

Когда мы говорим о политическом, нужно иметь в виду, что политическое невозможно внутри общины. К политическому (в самом широком смысле этого слова) можно отнести все, что находится за пределами общины и в определенной степени ей противостоит. Наиболее архаическим институтом подобного рода был мужской союз, основу которого составляли юноши, еще не вступившие в брак.

Обычно молодежь жила в отдельном лагере за пределами общины и не привлекалась к общественным и сельскохозяйственным работам. Основной функцией подобного рода мужского союза были, с одной стороны набеги на соседние селения с целью угона скота, а с другой – защита своей общины (Андреев 1964: 47). В лагере мужского союза юноши проходили инициацию (Иванчик 2005: 185). Обычным явлением были ритуальные набеги на свою же деревню. Молодежь жила за счет захваченного во время набегов скота. После этого юноши могли вступать в брак (Андреев 2004б: 51).

Во многих древних языках понятие «молодой человек (юноша)» используется в понимании «смутьян», «возмутитель спокойствия». В праязыковом значении это половозрастная группа юношей-воинов, в мирное время угрожающая спокойствию общины. Впоследствии эти группы эволюционируют в привилегированное военное сословие (Куланда 1993: 279–280).

Для того чтобы вести дела с окружающим миром, необходимо было организовать в более крупные единицы – племена. Племенные вожди набирали личных последователей, которые отрекались от своих родственных связей, присягая на исключительную верность патрону (Барфилд 2002: 67–68).

Хотя в рамках племен уже появляются автономные индивиды, организованные в рамках дружины вождя, однако классические племена состояли из общин и были такими же консервативными объединениями, не имевшими потенциала прогрессивного развития. Наиболее характерным примером могут служить племена североамериканских индейцев.

Ранняя древность

Заселение междуречья Тигра и Евфрата происходило за счет пришельцев из различных регионов в V–VI тыс. до н. э. (Антонова 1996: 198), то есть, по существу, изгоев. Основу земледельческих общин в Месопотамии составили автономные индивиды, имевшие

сознание, которое отличалось от такового у классических традиционных общин. Появились сельские общины «открытого типа», которые начали формировать города путем слияния поселений вокруг центрального храма; еще в IV тыс. до н. э. 80 % всего населения Южной Месопотамии жило в городах (Козырева 2016: 48–49).

Ведение хозяйства на новом месте было возможно только на основе соответствующей инфраструктуры, включающей строительство каналов, дамб, водохранилищ. Появилась потребность в административных структурах, которые могли планировать и организовывать ирригационные работы (Там же: 36). Все это требовало индивидуально-группового, а не общинного труда и деятельности.

Происходит формирование Месопотамской ойкумены на основе ирригационной инфраструктуры. Зона обмена информацией простиралась вплоть до Памира (Антонова 1996: 204). Существовала широкомасштабная межрегиональная торговля (Ковалев 2002: 47).

Основной структурной единицей территориальной общины была домовая община, состоящая из родственных семей, объединенных культом родовых богов и предков (Янковская 1963: 36). В начальный период храм долгое время не имел собственного рабочего персонала. В середине 3-го тыс. до н. э. в связи с усилившимся имущественным расслоением лица, разоренные войнами, стихийными бедствиями или вынужденные покинуть общину из-за конфликта с родственниками, искали покровительства в хозяйстве храма (Дьяконов 1968б: 4).

Следует обратить внимание, что изгойство здесь появлялось на основе законов ойкумены как единства явлений и процессов социального и природного характера. В раннединастический период храмы отделяются от общины и органов общинного самоуправления и начинают аккумулировать в рамках своего хозяйства обедневших членов общины (Чипирова 1988: 5). Если в рамках территориальной общины владельцами земли были большесемейные общины, то на храмовой земле наделы во временное пользование раздавались индивидуально (Дьяконов 1955: 30).

То же самое касается имущества. В Древней Месопотамии имущество рассматривалось как своеобразное продолжение человека за пределами тела (Кочакова 1983: 49). Имущество большесемейной общины находилось в органическом единстве с ее членами. С учетом регулярных переделов земли в рамках территориальной общины (Янковская 1959: 40) то же самое относится и к ней. То есть изгой – это человек, лишившийся своего «природного» имущества.

Передача ему имущества со стороны храма создавала отношения зависимости на основе законов реципрокации.

Храмовое хозяйство «связывало» изгоев, предоставляя им минимум социального существования. В противном случае человек мог погибнуть или стать разбойником, которых на Ближнем Востоке называли *хабиру* (Меликашвили 1972: 57). Именно процесс «связывания» изгоев был важнейшим институтом древности, обеспечивающим стабильность существования социума.

Процессы интеграции городов-государств в Месопотамии во второй половине 3-го тыс. до н. э. привели к поглощению храмового хозяйства царским. Власть над храмовым хозяйством давала правителю независимую вооруженную силу (Дьяконов 1968б: 10). Царское хозяйство имело тот же архетип, что и большесемейная община. И царь, и глава общины обозначались одним и тем же термином – *ewri* (Янковская 1959: 38).

Особо следует остановиться на Саргоне, который по своему рождению являлся изгоем, будучи, по легенде, сыном безбрачной жрицы. Саргон в своих реформах явно опередил время, так же как и Аменхотеп IV (Эхнатон) в Египте. В обоих случаях жрецы отсились к данным правителям с неприкрытой ненавистью. Их идеология не вписывалась в традиционные представления о месте человека в мире (Емельянов 2001: 81–82).

Так же как и в Египте, в Месопотамии реформы прогрессивного поступательного движения были невозможны потому, что невозможно само понятие «вперед» в рамках циклического восприятия времени. Считалось, что в случае отступления правителя от традиционных ритуалов его страну ждали санкционированное богами нападение врагов и массовый мор от болезней (Там же: 109–111).

Земледельческий характер хозяйствования отнюдь не способствовал мобильности потоков информации в рамках Месопотамской ойкумены, что объясняет консервативность здесь социального сознания. Несколько иная ситуация наблюдалась в Ассирии, где сходились все важнейшие торговые пути Передней Азии. Это сыграло не последнюю роль в ее длительной гегемонии в данном регионе. Здесь гораздо большую роль играли купцы. В отличие от общины товарищество купцов представляло собой объединение индивидов (Бондарь 2008: 169). Для ассирийских царей был характерен архетип мужского союза. До реформ Тиглатпаласара III ассирийская армия регулярно совершала грабительские набеги на зависимые территории (Белявский 1971: 15).

«Средняя» древность

Архаические революции в первой половине – середине 1-го тыс. до н. э. разделили древность на раннюю и позднюю. Однако данной эпохе предшествует период своеобразной «архаизации», когда появляются многочисленные внешние признаки, характерные для постархаических сообществ. К сожалению, термин «архаическая революция» в этом плане является не совсем удачным. Данный период условно можно назвать «средней» древностью. По мнению И. Дьяконова, западноазиатская городская община 2-го тыс. до н. э. сходна с полисом (Дьяконов 1968а: 4).

Царское хозяйство к этому периоду не имело большого веса в экономике (Дандамаев 1984: 5) и уже исчерпало свой потенциал «связывания» изгоев. К тому же оно не отличалось устойчивостью к внешним воздействиям. Вследствие нашествия амореев произошли дезорганизация царского хозяйства, разорение или уничтожение складов зерна, что привело к голоду. Каждое завоевание шумеро-аккадских городов вносило беспорядок в экономическую жизнь. Прежде всего разрушалось дворцовое хозяйство (Дьяконов 1990: 11). Здесь также уместно вспомнить разрушение дворцового хозяйства ахейской (микенской) цивилизации вследствие внутренних причин в конце 2-го тыс. до н. э. (Андреев 2004а: 60).

Возрастает роль гражданских городских общин, представлявших собой объединение свободных и юридически равноправных индивидов, объединенных в народное собрание при главном храме. Граждане были освобождены от царских повинностей (Дандамаев 2004: 57). Однако царь по-прежнему брал под свое покровительство людей, которые потеряли связи с гражданским коллективом или были отвергнуты им (Циркин 2001: 389).

В этот период на Ближнем Востоке доминирующее положение занимают финикийские города-государства, которые занимались активной морской торговлей. Финикийский город Тир был связан почти со всей тогдашней ойкуменой от северного Средиземноморья до Египта и от атлантического побережья Пиренейского полуострова до Южной Аравии. Для финикийцев были характерны динамизм, мобильность, восприимчивость к новому, к перемене мест (Вейнберг 1986: 33–34). То есть здесь мы имеем тип сознания, который кардинально отличался от такового в период классического Шумера и Аккада.

Карфаген был основан изгоями – группировкой, потерпевшей поражение в результате политической борьбы в Тире (Циркин

1986: 17). Именно финикийские города начинают практиковать выселение в колонии части граждан с целью смягчения конфликтов внутри гражданской общины (Циркин 2001: 404). Считается, что Карфаген был уже полисом (Он же 2004: 282). Однако все признаки, характерные для полиса, здесь носили внешний характер и не имели потенциала развития.

Промежуточное положение между ранней и поздней древностью занимало израильское царство. Давид, собравший вокруг себя вольницу и державший в страхе население, противопоставил себя царю Саулу с его традиционным типом сознания. У Давида была своя дружина из людей самого различного социального и этнического происхождения (изгоев). Захватив Иерусалим, он тем самым поставил его вне Израиля, вне контроля народного собрания, сделав его своей вотчиной. Царская власть в Палестине выросла из власти военного предводителя (Шифман 1989: 71).

Для Израиля также было характерно наличие двух секторов – общинно-племенного и царского (Он же 1987: 23). Лица, принадлежащие к царскому сектору, назывались рабами. Это относится не только к воинам, придворным, но и к родственникам царя, то есть зависимым от него людям (Амусин 1993: 33).

Греция

О характере и формах мужского союза в гомеровский период Древней Греции мы можем судить на основании «Илиады» и «Одиссеи». Именно в «Одиссее» мы сталкиваемся с женихами как шайкой молодых грабителей (Андреев 1964: 47), представлявших собой типичное проявление института мужского союза (Он же 2003: 110).

В гомеровский период обычным занятием греков были пиратство и грабеж. Традиционной деятельностью являлись набеги с целью угона скота (Курбатов 1986: 14). Грабительские набеги на чужие земли велись отдельными партиями частным образом (Перевалов 1984: 24).

При чтении «Одиссеи» постоянно приходится сталкиваться с различными модификациями и вариантами дружеских союзов. Чувство дружеской привязанности соединяло людей независимо от их родовой и даже этнической принадлежности. Основная часть членов дружеских союзов – это изгой без роду и племени (Андреев 2003: 143–146).

В рамках дружеского союза регулярно проводились совместные трапезы. Дружеский союз можно назвать товариществом со-трапезников (Андреев 2004а: 250). Нужно иметь в виду, что в глубокой древности совместные трапезы способствовали появлению родства, которое принципиально ничем не отличалось от кровного (Бутинов 1979: 70).

К началу архаического периода чисто социальные формы связывания изгоев уже исчерпали свой потенциал. В этот период определяющую роль в политической жизни основных полисов Греции начинают играть аристократические роды, которые, однако, находились в состоянии перманентного стасиса (Макаров 1997: 29). Побежденные аристократические группировки становились изгоями и обычно уходили в апойкию (Суриков 2006: 219). Получается, что именно изгои внесли основной вклад в формирование Греческой ойкумены в районе северо-восточного Средиземноморья.

Особо следует остановиться на старшей тирании, феномен которой был порождением личностной агональной тенденции в политической жизни (Он же 2004: 14). Еще гесиодовское общество было проникнуто сплошной агональной активностью (Туманс 2002: 119). Именно агональность рвала все традиционные связи и отношения, тем самым формируя свободного индивида. Однако высокий уровень пассионарности способствовал социальным смутам между владеющими имуществом и неимущими. Борьба часто принимала самые крайние формы жестокости (Лаптева 1989: 28).

Тиранов нужно рассматривать как своеобразных изгоев. Все они были выходцами из аристократической среды (Берве 1997: 208), но, став у «руля власти», всеми доступными способами боролись с всевластием аристократических родов (Зберовский 2008: 36). Нужно иметь в виду, что в этот период полисные институты отличались слабостью, и только тираническая форма правления могла довести до конца процесс формирования греческих государств (Макаров 1997: 28). Многие полисы позднеархаической эпохи именно под властью тиранов достигли могущества и процветания. В то же время большинство тех полисов, которые не знали тирании, застыли в стагнирующем положении (Суриков 2007: 80).

Период старшей тирании отличался активной строительной деятельностью (Высокий 2004: 94–95). Вся деятельность тиранов была направлена на максимальное увеличение занятости населения и сведение к минимуму всякого рода празднотатания. Деятельность тиранов пошла на пользу в первую очередь неимущему городскому

населению (Берве 1997: 33, 74), то есть была направлена на «связывание» граждан, в силу тех или иных обстоятельств лишившихся своего имущества, вплоть до раздачи конфискованного имущества аристократов (Там же: 26).

Ранняя история Спарты делится на два периода – смут и беззакония (аномии) и периода установления Ликургом благозакония (евномии) (Андреев 1982: 34). То есть процесс «связывания» здесь сопровождался воспроизведением (внешнего характера) многих элементов мужского союза. Гражданские права в Спарте зависели от регулярности взносов в сисситии в рамках товарищества сотрапезников (фидитий). Иерархия мужских союзов в Спарте являлась основой государства (Андреев 2004б: 138, 217). В результате Спарта представляла редкостный пример стабильности внутри коллектива (Суриков 2004: 16).

Афины в этом отношении пошли несколько другим путем. После реформ Клисфена сформировался режим, который можно назвать тоталитарной демократией. В его основе лежал процесс регулярного воспроизведения изгоев, в основном в среде политиков, а также богатых граждан. Греки с подозрением относились к своим политическим деятелям (лидерам) и за малейшую провинность, а то и без оной, подвергали их преследованиям и опале. В течение всего V в. невозможно найти политика крупного масштаба, который на том или ином этапе своей карьеры не подвергался наказаниям, опале, гонениям со стороны демоса (Там же: 12–13). Афинская демократия относилась с показной нетерпимостью к любому возвышению личности (Туманс 2001: 31).

К смерти могли приговорить должностное лицо, которое плохо справилось со своими обязанностями. Доминировала презумпция виновности. Логика обвинителя по отношению к обвиняемому заключалась в том, что «пусть он сам докажет, что не совершил того, в чем я его обвиняю». Оратор в суде мог потребовать наказания за образ мыслей. Обычными были призывы к казни детей обвиняемого, его друзей и сподвижников (Суриков 1999: 36).

Суть законности в политических процессах состояла не в буквальном следовании законам, а в недопущении благополучного исхода дел потенциально опасных для полиса лиц. Беззаконие воспринималось как орудие самозащиты демократии. Судили не по законам, а по социальной совести (Зберовский 2008: 115).

Здесь также уместно вспомнить институт остракизма, регулярные обвинения в мидизме и лаконофильстве (шпиономания), гипертрофированный «расцвет» сикофанства (доносительства). Про-

смачивается просто поразительное, вплоть до мелочей, сходство с тоталитарными режимами XX в.

Рим

Ромул возглавлял «банду» изгоев из традиционных общин, которые занимались угоном скота на территории Лация. На определенном этапе своей деятельности он заключил общественный договор со скотоводами римских холмов и начал уже защищать их от набегов других «банд». Разбой способствовал ослаблению родовых связей. В Риме был учрежден асилум (убежище) для изгоев, куда стекался всякий сброд (в первую очередь молодежь). Население за счет этого начало быстро расти (Маяк 1993: 87; Нечай 1972: 8–11).

Основной структурной единицей римского общества была курия (Маяк 1983: 101), которая воспринималась как союз мужей. Курия имела архетип мужского союза (Дождев 2002: 255; Токмаков 1998: 54). Члены курии регулярно устраивали трапезы. Куриатные комиции рассматривались как собрание всех мужчин, способных носить оружие.

В царский период в Риме уже не было классической традиционной общины. Ее наследницей были римские роды, которые имели форму клана, предполагавшего определенную иерархическую структуру (Дождев 2002: 268). Полное гражданство определялось принадлежностью к определенному роду (Маяк 1983: 121). Если курии состояли из отдельных индивидов мужского рода, то базисом рода были родственные семьи. Каждый род имел свою дружину, состоящую из содалес (Штаерман 1996: 37) – как правило, изгоев самого различного происхождения, связанных клятвой с главой клана (Дождев 2002: 257). Рим был открытым социумом, регулярно аккумулировавшим роды (кланы) из соседних общин, в том числе завоеванных ими (Маяк 1983: 122; Токмаков 1998: 56).

Отличие содалес от клиентов рода состояло в том, что первые могли и умели воевать, а вторые занимались в основном хозяйственными работами. Появление клиентов относится к позднему царскому периоду, когда вследствие разложения родоплеменных отношений происходит имущественная дифференциация внутри родов и между ними (Маяк 1983: 160).

Патрицианские роды имели скотоводческий тип социального сознания, который отличается известной устойчивостью и инерционностью. Даже в V в. до н. э. скот использовался в качестве денег (Он же 1993: 110). Основой хозяйственной деятельности были ско-

товодство и коневодство, которые, в отличие от зернового земледелия, не имели особого потенциала исторического развития. Кочевые скотоводы Великой степи так и не смогли создать устойчивую государственность.

Обычной практикой патрицианских родов были грабительские набеги на соседей с целью угона скота (Игнатенко 2013: 33). Подобного рода тип сознания был характерен и для первой половины V в. до н. э. Этим воспользовались этруски против клана Фабиев, регулярно беспокоившего жителей города Вейи (Токмаков 2007: 76), устроив засаду и выставив в качестве приманки стадо скота. В результате весь род (более 300 человек) был уничтожен (Маяк 1993: 70).

Пока римляне с помощью родовых дружин воевали с себе подобными, они обычно имели успех. Однако против этрусской фаланги нужна была своя фаланга. А это требовало коренного переустройства экономики. Анк Марций начал приглашать в Рим профессиональных ремесленников и торговцев (Ельницкий 1964: 125), которых поселил за пределами римского померия на Авентине и Яникуле (Токмаков 1998: 65).

Начинает формироваться плебейская община, которая имела особый статус. Плебеи не имели родов патрицианского типа, не обладали тем, что можно назвать клановым сознанием (консервативным в своей основе). Сформировалась особая плебейская корпорация на основе взаимопомощи и взаимовыручки, которая находилась под патронатом римских царей. Кстати говоря, ни один из римских царей не был коренным римлянином.

Возможно, особенно в начальный период, плебеи имели юридический статус *hostis* – гостей римских царей. У римлян словом *hostis* называли перегрину как свободного человека, который пользуется собственными законами и находится под покровительством римской общины на основе договора (Колосовская 1998: 50).

Реформы, начатые Сервием Туллеем, в значительной степени опередили свое время, так же как реформы Саргона и Эхнатона. Просматривается даже сходство в том, что Туллий, как и Саргон, имел незаконное происхождение (Штаерман 1996: 41). Этрусские цари, которые опирались в своей деятельности на плебеев, в чем-то похожи на представителей старшей греческой тирании. Если первые тираны боролись с аристократами умеренными методами, то их потомки обычно прибегали уже к довольно жестким репрессиям (Берве 1997).

Нечто похожее произошло в случае с преемником Сервия Туллия Тарквинием Гордым, который репрессировал чуть ли не поло-

вину сената (Маяк 1993: 70). Так как плебеи ему активно в этом помогали (Токмаков 1998: 111), то после его изгнания гнев патрицианского сената обрушился на них. В этот период отмечается заметный спад в сфере торговли и ремесла (Маяк 1993: 110). Однако корпоративность и солидарность их общины позволила плебеям в конечном итоге выстоять в борьбе с патрициями.

В период ранней Республики патрицианские роды полностью взяли под свой контроль *ager publicus* и использовали его в качестве пастбищ (Штаерман 1996: 34). Плебеи, которые, помимо ремесла и торговли, занимались зерновым земледелием, были вынуждены арендовать землю. Вероятнее всего, обе сецессии плебеев (494 и 449 гг.) связаны с требованиями доступа к общественной земле, проведения на ней публичного размежевания и ассигнации ее в частную собственность (Дождев 2002: 263).

Особо следует остановиться на так называемом рабстве-должничестве V в., источником которого были сделки *nexum* (Кофанов 1994: 57). Считается, что должниками выступали плебеи. Институт *nexum* был обставлен многочисленными условностями сакрального характера. Должники давали сакральную клятву (Там же: 65). Однако плебеи находились за пределами сакрального пространства, сакрального права римской общины.

Мы считаем, что в данный период основой *res mancipi* был скот, а не земля. Для VI–V вв. был характерен процесс разложения родоплеменных отношений, который способствовал появлению заметного количества римских граждан, лишенных имущества. Практиковалась даже продажа главами кланов своих младших сородичей (Ельницкий 1964: 123). Для поддержания стабильности социума как раз и использовался *nexum*. Древнейшее значение этого слова – связывать. По существу, все римское право, гораздо более развитое по сравнению с греческим, играло роль связующего начала. *Jus* имеет единые корни с санскритским *yu* (связь, узы) (Кофанов 2006: 182).

Должник лишался власти над собственным телом (Он же 1994: 58) и юридически оказывался в составе *res mancipi* того или иного патрицианского рода. Должники использовались для ухода за стадами на пастбищах *ager publicus*, которые обычно находились на значительном расстоянии от Рима. Здесь мы сталкиваемся с институтом сауна (в широком смысле этого слова), который был характерен для скотоводов и Центральной, и Средней Азии, и Северной Африки, когда богатые кочевники отдавали свой скот во временное пользование неимущим, чтобы те существовали за счет «плодов»

с него. В противном случае бедняки могли оказаться в разбойничьих шайках.

А вот в IV в. до н. э., когда развитие получают товарно-денежные отношения (Маяк 1993: 109), как раз и появляются должники среди плебеев. При этом кредиторами выступают сами же богатые плебеи. Здесь мы уже имеем дело с институтом ростовщичества, близким к классическому.

Получается, что именно плебеи как изгои по происхождению сыграли решающую роль в прогрессивном развитии римского полиса. В противном случае после изгнания Тарквиния Гордого Рим вследствие тенденций консервации архаических порядков вполне мог пойти по историческому пути, близкому к спартанскому. Патрицианская реакция в первой четверти V в. до н. э. характеризовалась возрождением некоторых норм родового общества и образа жизни (Токмаков 2007: 78).

Выводы

Историческое развитие невозможно в рамках традиционной общины. В то же время община, общинный тип сознания, общинные порядки являются залогом стабильности. Любые социальные объединения за пределами общины отличаются крайней неустойчивостью и представляют для нее опасность.

Первым институтом, оказавшимся «за пределами общины», был мужской союз. Юноши, проходившие здесь инициацию, были первыми временными «изгоями». Любой выход за пределы общины – добровольный или насильственный – грозил гибелью. Однако на определенном этапе часть пассионарной молодежи отказывается возвращаться из лагеря мужского союза и организует «дружины» изгоев, которые могут или действовать самостоятельно в виде разбойничьих шаек, или на основе общественного договора с общинами защищать их от себе подобных. Именно этот процесс является первичным источником «политического».

Разложение родоплеменных отношений, в свою очередь, способствует уже появлению изгоев субпассионарного характера, лишенных своего «природного» имущества и требующих определенной опеки. Появляется потребность в государстве. Именно государство берет на себя заботу об индивидуумах, оказавшихся в силу тех или иных причин за пределами общины.

В Месопотамии вначале эту роль играет храмовое хозяйство. Как уже говорилось выше, в период ранней древности мы наблюдаем государство, имеющее архетип хозяйства. Административное управление ничем принципиально не отличается от такового в рам-

ках большесемейной общины. Появление военных вождей – лугалей – способствует интеграционным процессам и формированию уже царского сектора, который поглощает «храм».

Формируется ойкумена, где субъектом являются индивиды или их объединения. Общину здесь следует рассматривать в качестве своеобразного «черного ящика». Элементом ойкумены являются потоки информации. Любая стационарность способствует появлению «общинности», в первую очередь на уровне социального сознания. В свою очередь, в процессе исторического развития сама Переднеазиатская ойкумена «движется» от Южной Месопотамии через Ассирию к Финикии и Палестине.

К концу ранней древности царское хозяйство уже исчерпывает «связывающий» изгоев потенциал. К тому же в его рамках все, начиная с обычных работников и заканчивая придворными вельможами, воспринимались как рабы. Появляется коллектив жителей города, имеющий элементы гражданственности и сочетающий индивидуальное и общинное начала.

После архаических революций формируется полисная гражданская община, диалектически сочетающая в себе потенциал исторического развития и определенный уровень стабильности в плане социального существования. И в Греции, и в Риме «создателями» полисов классического типа являются индивиды – изгои по происхождению.

Понятие «личность» здесь нужно использовать осторожно, даже в античный период. Практика афинской демократии V в. до н. э. показывает, что любая личность, близкая к современной, в конечном итоге становилась изгоем. В широком смысле этого слова каждому этапу исторического развития соответствует определенный тип личности. Государство, с одной стороны, контролирует личностный потенциал пассионариев, а с другой – обеспечивает определенным социальным минимумом неимущих субпассионариев. Каков тип личности, таков и тип государства.

Несомненно, концепция изгойства имеет определенный потенциал дальнейшего теоретического развития, позволяет анализировать и осмысливать те или иные социальные явления и институты с неординарной стороны. Автором здесь намечены только отдельные пролегомены.

Литература

Амусин, И. Д. 1993. *Проблемы социальной структуры обществ древнего Ближнего Востока по библейским источникам*. М.: Вост. лит-ра, 1993. 152 с.

Андреев, Ю. В.

1964. Мужские союзы в поэмах Гомера. *Вестник древней истории* 4: 37–49.

1982. К проблеме «Ликургова законодательства» (о так называемом перевороте VI в. в Спарте). В: Фролов, Э. Д. (отв. ред.), *Проблемы античной государственности*. Л.: Изд-во ЛГУ. С. 33–59.

2003. *Раннегреческий полис (гомеровский период)*. СПб.: Гуманитарная академия. 448 с.

2004а. *Гомеровское общество*. СПб.: Нестор-История. 496 с.

2004б. «Мужские союзы» в дорийских городах-государствах (*Спарта и Крит*). СПб.: Алетейя. 336 с.

Антонова, Е. В.

1984. *Очерки культуры земледельцев Передней и Средней Азии*. М.: Наука. 266 с.

1996. Месопотамия и восточные земли. *Азия – диалог цивилизаций*. СПб.: Гиперион. С. 197–240.

Барфилд, Т. 2002. Мир кочевников-скотоводов. *Кочевая альтернатива социальной эволюции*. М.: ЦЦРИ. С. 43–61.

Белявский, В. А. 1971. *Вавилон легендарный и Вавилон исторический*. М.: Мысль. 319 с.

Берве, Г. 1997. *Тираны Греции*. Ростов н/Д.: Феникс. 640 с.

Бондарь, С. В. 2008. *Ассирия. Город и человек (Ашишур III–I тыс. до н. э.)*. М.: Древлехранилище. 258 с.

Бутинов, Н. А. 1979. Типология родства. *Проблемы типологии в этнографии*. М.: Наука. С. 66–75.

Васильев, К. В. 1998. *Истоки китайской цивилизации*. М.: Вост. лит-ра. 319 с.

Васильев, Л. С. 1995. *Древний Китай*. Т. 1. М.: Вост. лит. 379.

Вейнберг, И. П. 1986. *Человек в культуре древнего Ближнего Востока*. М.: Наука. 208 с.

Высокий, М. В. 2004. *История Сицилии в архаическую эпоху (ранняя греческая тирания конца VII в. – середины V в. до н. э.)*. СПб.: Гуманитарная академия. 448 с.

Гуляев, В. И. 1979. *Города-государства майя*. М.: Наука. 304 с.

Даль, В. И. 2000. *Толковый словарь русского языка. Современное написание*. М.: Астрель. 762 с.

Дандамаев, М. А.

1984. Нерабские формы зависимости в древней Передней Азии (к постановке вопроса). *Проблемы социальных отношений и формы зависимости на Древнем Востоке*. М.: Вост. лит-ра. С. 5–25.

2004. Нововавилонское общество и экономика. *Государство на Древнем Востоке*. М.: Вост. лит-ра. С. 57–78.

Дождев, Д. В. 2002. Рим (VIII – II вв. до н. э.). *Цивилизационные модели политогенеза*. М.: ИА РАН. С. 249–279.

Дьяконов, И. М.

1955. Купля-продажа земли в Шумере. *Вестник древней истории* 4: 10–40.

1968а. Проблемы экономики. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э. 3. Структура общинного сектора экономики в Западной Азии. *Вестник древней истории* 3: 3–27.

1968б. Проблемы экономики. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э. 4. Структура государственного сектора экономики в Западной Азии. *Вестник древней истории* 4: 3–40.

1982. О прародине носителей индоевропейских языков. *Вестник древней истории* 4: 11–25.

1990. *Люди города Ура*. М.: Вост. лит-ра. 432 с.

Ельницкий, Л. А. 1964. *Возникновение и развитие рабства в Риме в VIII–III вв. до н. э.* М.: Наука. 288 с.

Емельянов, В. В. 2001. *Древний Шумер. Очерки культуры*. СПб.: Петербургское востоковедение. 368 с.

Иванчик, А. И. 2005. *Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. в античной традиции*. М.: Палеограф. 312 с.

Игнатенко, А. В. 2013. *Избранное*. М.: Норма. 464 с.

Зберовский, А. В. 2008. *Становление демократической политической культуры в Элладе VIII–V веков до н. э.: Политическая мысль и политический человек доплатоновского периода*. Красноярск: Изд-во Красноярского гос. ун-та. 309 с.

Ковалев, А. А. 2002. *Месопотамия до Саргона Аккадского. Древнейшие этапы истории*. М.: Изд-во РГГУ. 252 с.

Козырева, Н. В.

1989. Социальный состав рабочего персонала крупных хозяйств в Старовавилонской Месопотамии. *Государство и социальные структуры на Древнем Востоке*. М.: Наука. С. 38–52.

2016. *Очерки по истории Южной Месопотамии. Эпоха ранней древности (VII тыс. до н. э. – середина II тыс. до н. э.)*. СПб.: Контраст. 552 с.

Колосовская, Ю. К. 1998. Гостеприимство как право народов Древнего Рима. *Закон и обычай гостеприимства в античном мире: доклады конференции*. М.: ИВИ РАН. С. 49–58.

Кондорский, Б. М.

2013. Архаическая революция в древнем Китае (попытка сравнительно-исторического анализа). *Общество и государство в Китае*. Т. XLIII. Ч. 2. М.: ИВ РАН. С. 16–28.

2017. Историческое развитие китайской ойкумены в древности. *Общество и государство в Китае*. Т. XLVII. Ч. 1. М.: ИВ РАН. С. 20–35.

Кофанов, Л. Л.

1994. *Обязательственное право в архаическом Риме (VI–IV вв. до н. э.)*. М.: Юрист. 240 с.

2006. *Lex et Jus: возникновение и развитие римского права в VIII–III вв. до н. э.* М.: Статут. 675 с.

Кочакова, И. С. 1983. *Духовная культура Вавилонии. Человек, судьба, время*. М.: Наука. 204 с.

Куланда, С. В. 1993. Праязыковые этимоны и историко-социологические реконструкции. В: Попов, В. А. (отв. ред.), *Ранние формы социальной стратификации*. М.: Наука. С. 275–294.

Курбагов, А. А. 1986. Роль аристократии в экономическом развитии греческого полиса VIII–VI вв. до н. э. *Античная гражданская община: межвузовский сб. науч. тр.* М.: МГЗПИ. С. 3–29.

Лаптева, М. Ю. 1989. Смута в архаической Ионии. В: Фролов, Э. Д. (отв. ред.), *Социальная борьба и политическая идеология в античном мире*. Л.: Изд-во ЛГУ. С. 16–38.

Макаров, И. А. 1997. Идеологические аспекты раннегреческой тирании. *Вестник древней истории* 2: 25–42.

Маяк, И. Л.

1983. *Рим первых царей: Генезис римского полиса*. М.: Изд-во МГУ. 269 с.

1993. *Римляне ранней Республики*. М.: Изд-во МГУ. 158 с.

Меликашвили, Г. А. 1972. Характер социально-экономического строя на Древнем Востоке. *Народы Азии и Африки* 4: 53–64.

Мочалов, М. Ю. 2015. *Ассирийская держава. От города-государства – к империи*. М.: Вече. 320 с.

Нечай, Ф. М. 1972. *Образование Римского государства*. Минск: Изд-во БГУ. 276 с.

Оппенгейм, А. 1990. *Древняя Месопотамия. Портрет погибшей цивилизации*. М.: Наука. 319 с.

Перевалов, С. М. 1984. О характере военной организации гомеровского общества. *Раннеклассовые формации. Теоретические проблемы становления государства и города*. М.: Изд-во МГПИ. С. 22–29.

Перепелкин, Ю. М. 2000. *История древнего Египта*. СПб.: Летний сад. 559 с.

Семенов, Ю. И. 1976. О специфике производственных (социально-экономических) отношений первобытного человека. *Советская этнография* 4: 93–113.

Суриков, И. Е.

1999. О некоторых особенностях правосознания афинян классической эпохи. *Древнее право* 2 (5): 34–42.

2004. Функции института остракизма и афинская политическая элита. *Вестник древней истории* 1: 3–30.

2006. *Остракизм в Афинах*. М.: Языки славянских культур. 640 с.

2007. *Архаическая и классическая Греция: проблемы истории и источниковедения*. М.: КДУ. 236 с.

Токмаков, В. Н.

1998. *Военная организация Рима ранней республики (V–IV вв. до н. э.)*. М.: ИВИ РАН. 300 с.

2007. *Армия и государство в Риме: от эпохи царей до Пунических войн*. М.: КДУ. 264 с.

Туманс, Х.

2001. Идеологические аспекты власти Писистрата. *Вестник древней истории* 4: 12–45.

2002. *Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII–V вв. до н. э.)*. СПб.: Гуманитарная академия. 544 с.

Утченко, С. Л. 1977. *Политические учения древнего мира*. М.: Наука. 257 с.

Циркин, Ю. Б.

1986. *Карфаген и его культура*. М.: Наука. 287 с.

2001. *От Ханаана до Карфагена*. М.: АСТ, Астрель. 528 с.

2004. Финикийский мир и арамейские государства Сирии. В: Грантовский, Э. А., Степугина, Т. В. (отв. ред.), *Государство на Древнем Востоке*. М.: Вост. лит-ра. С. 256–299.

Чипирова, Л. А. 1988. Земельные отношения в семейной общине по «Обелиску Маништушу». *Вестник древней истории* 2: 3–34.

Шифман, И. Ш.

1987. *Ветхий завет и его мир*. М.: Политиздат. 239 с.

1989. Государство в системе социальных институтов в древней Палестине (вторая половина III тыс. – первая половина I тыс. до н. э.). *Государство и социальные структуры на древнем Востоке*. М.: Наука. С. 53–85.

Штаерман, Е. М. 1996. *История крестьянства в древнем Риме*. М.: Наука. 204 с.

Янковская, Н. Б.

1959. Землевладение большесемейных общин в клинописных источниках. *Вестник древней истории* 1: 35–51.

1963. Общинное самоуправление в Угарите. *Вестник древней истории* 3: 35–55.